

УДК 94:323.2(438+476+474.5)

Народ и общественная структура: взаимозависимости на примере Речи Посполитой

Р. РАДЗИК

В статье рассмотрена социальная роль шляхетского народа Речи Посполитой, его взаимоотношение с государственной властью. Выявлены факторы, которые способствовали возникновению указанной социальной общности, доказывається доминирование в рядах шляхты сословных связей над национальными. Показаны изменения в шляхетском сословии в условиях формирования наций.

Ключевые слова: шляхетский народ Речи Посполитой, общественная структура, нация, сословье, элита, интеллигенция, государство, общественные функции, социальная общность.

The article considers the social role of Polish-Lithuanian Commonwealth gentry, their relationship with the government. The factors that have contributed to mentioned social community genesis are found out, a dominance of class bonds over national ones among the gentry is proved. The changes in the gentry class in terms of nations formation are showed in the article.

Keywords: gentry people of Polish-Lithuanian Commonwealth, social structure, nation, class, elite, intellectuals, state, public functions, social community.

Настоящие размышления посвящены эволюции национальной общности былой Речи Посполитой – обособлению из неё современной польской нации, а прежде всего – одному из главных факторов, содержательно модифицирующих эту общность в её очередных фазах развития – форме общественной структуры. В анализе обсуждаемых процессов большое значение имеют следующие обстоятельства: во-первых, какая среда (сословия, слои, классы) инициирует процесс формирования нации, т. е. определяет содержательную сферу идеологии, а затем распространяет её при помощи определённых методов (что имеет значение) в обществе. Во-вторых, остальные сегменты общества, принимая нациообразующую идеологию и совместно участвуя в построении общности, как бы «насыщают» её своим содержанием. Чаще всего в инициировании народотворческого процесса заинтересованы определённые части общества (сословия, классы, слои), или, говоря иначе, формирующаяся национальная общность осуществляет функции, имеющие существенное значение для группы, инициирующей её создание. Тогда национализация общества может определять положение данного общественно-го сегмента (или даже сделать возможным его сохранение), укрепляя его позицию и статус (примером может служить польская интеллигенция в периоды разделов Польши). Он также может – и это уже другой вопрос – интегрировать данную общность изнутри (что влияет на его отношения с внешним миром), даже если народообразующие процессы массово не вышли за пределы данного класса, сословия, например, шляхетский народ Речи Посполитой. Вообще говоря, процесс формирования нации не развивается равномерно во всём обществе. Следствием этого являются существенные различия в усвоении утверждаемых народом ценностей и подходов отдельными составными частями общества. Эти различия – независимо от их причин – неоднократно в меньшей или большей степени углубляются и укрепляются.

Считаю, что в конкретных размышлениях интересно будет сослаться на шляхетский народ былой Речи Посполитой как общности доиндустриальной, не современной, часто называемой феодальной нацией. Эта нация прошла разные фазы развития, но, трактуя её типологически, что поможет нам сравнить её с другими национальными общностями, наступившими после неё, сошлюсь, прежде всего, на то содержание, какое она имела на закате Речи Посполитой. Некоторые её следы были ещё очень живучи в XIX веке, особенно до январского восстания (1863 г.).

Шляхта была сословием, а не классом, следовательно, ссылаясь на Вебера, концентрировалась на ценностях или, говоря иначе, достоинстве, а не на материальных благах [1,

s. 415–428]. В былой Речи Посполитой это были политические, вольнолюбивые ценности. Шляхта сознавала, что государство принадлежит ей, а не королю, ведь следует учесть, что Речь Посполитая Обоих Народов в интересующем нас историческом периоде была монархией выборной, следовательно, короли были избранными повелителями. Король был первым среди равных, но он не мог сказать, что «государство – это я». Герб был ценнее имущества, что ставило шляхетское сословие выше крестьян и мещан. Чувство превосходства вытекало из имеющихся у шляхты прав и свобод, происхождения, чувства чести и достоинства, приписываемого себе лучшего происхождения (от сарматов), стремления к высшей культуре (элитарной) и чувства долга перед государством. Формирующееся с течением времени среди шляхты Речи Посполитой чувство национальной общности носило политический характер, а значит, основанный на общих для сословия правах, а не культурный, основанный на языке и религии. Однако со временем в этом сословии стали происходить – что отчётливо проявлялось уже в XVII веке – процессы языковой и – после заключения Брестской унии – религиозной унификации [2]. Следовательно, нация не была общностью, возникающей из необходимости возвышения шляхты над народом; она скорее усиливала (обогащала) уже существующее чувство превосходства. Кроме того, она несомненно интегрировала шляхетское сословие, дополнительно обосновывала политико-моральными взглядами его доминирующую роль в обществе. Шляхетское национальное сознание было в определённой степени проникнуто чувством выполнения миссии, ведущей роли в государстве, обществе и уж наверняка сословно-культурно-национального превосходства. По своему содержанию и интенсивности оно отличалось от чувства классового превосходства, свойственного мещанству, буржуазии и государственной администрации, инициирующих процессы формирования нации на западе Европы. Те основывали своё превосходство на деньгах или власти. Можно утверждать, что общность высокого происхождения и общность национального – понимаемое в моральных категориях – долга перед государством совпадали друг с другом. Оба типа общности выделяли и возвышали шляхту над сословиями – как крестьянским, так и мещанским. За системой этих отношений не скрывался ни непосредственный материальный интерес, ни стремление к возвышению или занятию позиции в верхних слоях общества (как было это позднее у интеллигенции), а, кроме других соображений, прежде всего чувство шляхетской гордости.

Возникновению шляхетского народа Речи Посполитой способствовали и другие факторы. Шляхетство подтверждалось в ежедневных контактах с соседями, в конфронтации с «морем» крестьян, среди которого шляхта представляла собой постоянно поддерживающие отношения друг с другом социальные острова. В экспонирующих семейную и соседскую жизнь местных сообществ их связывали личные отношения, апробация традиционной системы ценностей, сознание чётко определённой общественной иерархии. Шляхетство проявлялось ежедневно, главным образом, на уровне связей, называемых С. Оссовским привычными, в пределах маленькой родины, повседневной шляхетской привычности. Оно особенно ценилось у мелкой шляхты, материально лишь немного отличающейся от крестьянства, которая в шляхетстве видела защиту от социальной деградации. Вследствие чего эта шляхта ценила также идейное измерение шляхетства и, что из этого следует, со временем укрепляющую её и поддерживающую в смысле престижа идеологизированную национальную общность (объединённую идеологическими узами), дополнительно обособляющую её от крестьянства. Бедность членов этой общности, несомненно, рождала желание морального возвышения, создания (хотя бы выраженного только вербально) общности долга, каким были заботы о государстве. Таким образом, разрасталась идентичность шляхты, в какой-то степени модернизирующая это состояние. Обособленное отношение к королю (вытекающее из равенственных положений и отсутствия стремления к карьере при королевском дворе), размеры государства и рассеянность шляхты среди крестьян создали необходимость выработки дополнительной, интегрирующей её идеологии. Наверно на это в какой-то степени повлияло также желание шляхты преодолеть культурные разделы в своей среде, несмотря на объединяющие её политические ценности.

Источники идеи современной польской нации лежат в сообществе, созданном шляхтой былой Речи Посполитой. Как замечает А. Валицки, «шляхетская идея народа-суверена

легко поддавалась мобилизации: достаточно было отбросить отождествление народа со шляхтой, чтобы весь остаток шляхетской республиканской идеологии был созвучен с духом современного республиканизма» [3, с. 31]. Чаще всего формирование такого типа интеграционных общностей, каким является народ, было одним из элементов процесса модернизации. В случае шляхетского народа Речи Посполитой в некоторой степени так было, но только на уровне одного сословия, да и здесь модернизация носила ограниченный характер. Она проходила в море огромной крестьянской цивилизационной отсталости и явной урбанизационной неразвитости. Объединенная в сообщества шляхта не меняла своего окружения, да и сама она с течением времени стала терять своё значение. Несомненно, однако, сохранение польского народа как нации (отделённого уже от этносов: украинского, белорусского и литовского), и его последующее развитие в период разделов страны было в значительной степени возможно благодаря активистскому, освободительному этосу шляхты, возникшему в Речи Посполитой. Захватчикам не удалось подчинить себе шляхту, потому что навязываемый ей – особенно деспотической Россией – ряд политико-культурных ценностей не принимался ею по причине их непривлекательности, кроме того, они ограничивали права шляхты, снижали её чувство собственного достоинства как творца общественной действительности. Задумываясь над возможностью распространения шляхетской идеи народа-суверена, следует, однако, не забывать о том, что сутью шляхетскости была её избранность, а связи, сплачивающие шляхту в одно целое, невозможно было распространить на всё общество. Поучителен был бы, как я считаю, анализ влияния шляхты на формирование современных народов в Европе. Однако не это сословие определило направление и темпы национальных перемен на нашем континенте.

Чрезвычайно кратко можно сказать, что формируемый шляхтой народ выполнял функцию, укрепляющую это сословие, интегрируя его: во-первых, путём усиления процессов его униформизации, во-вторых, дополнительно экспонируя его моральное превосходство и чувство миссии, которую он должен выполнять в обществе.

Как в случае шляхетского народа, так и интеллигенции в принадлежности к этим сообществам – понимаемым в обоих случаях как Веберовские сословия – решающим не являлось владение (или не владение) материальными ценностями. Как для шляхты, так и для интеллигенции основополагающими были ценности (достоинства). Они вытекали из культуры шляхетского сословия и были связаны с функциями, которые выполняла интеллигенция в XIX (особенно в его второй половине) и XX веках (особенно в первой половине столетия). Век XIX был в Европе столетием наций, и общество бывшей Речи Посполитой, особенно её латинской части, подверглось процессам, благоприятствующим появлению современных национальных движений. Поляки могли подвергнуться национальной германизации, русификации, или же польские элиты были в состоянии национально полонизировать массы плебейского населения (главным образом – крестьянского), в подавляющем большинстве вообще не имеющего до январского восстания 1863 г. никакого национального сознания. Существенным вопросом было то, какой слой общества (сословие, класс) инициирует процесс, связанный с последней оптацией, и придаст ему современный характер. В XIX веке значение дворянства уменьшалось как в Польше, так и во всей Европе. Не это сословие создавало современные национальные движения и определяло содержательную суть национальных идеологий, хотя нередко делали это выходцы из этой среды. На Западе творцами современных национальных общностей были в основном мещанство (средний класс), буржуазия, часто поддерживаемая (примером служит Франция) государственной администрацией (однако та чаще создавала механизмы, распространяющие национальные ценности, а не создающие их). Ситуация экономически отсталой Польши была другая. У поляков не было собственного государства, следовательно, и своей администрации, мещанство – так же, как и буржуазия (как средний класс, а не плебейские жители городов) – было немногочисленное и в значительной степени непольское. Структура польского общества середины XIX столетия (и в последующие десятилетия) складывалась, с одной стороны, из составляющих подавляющее большинство в обществе крестьянского населения и городской бедноты, зато с другой – из шляхты, в том числе помещичьей, немногочисленной аристократии. Польская среда, связы-

вающая эти сегменты общества, была слишком немногочисленна и мало влиятельна, чтобы в период создания современного польского национального движения и его идеологии стать их базой.

Необходимость в таком движении сопровождалась такими двумя общественными явлениями, как рост спроса на «умственный класс» [4]¹ и приток незажиточной, а на польских землях – чрезвычайно многочисленной шляхты в города, особенно после раскрепощения крестьян. Эти люди, не имея финансовых средств, располагали культурным капиталом. Они опасались социальной деградации, и часть из них пополнила ряды рабочего класса (в будущем становясь во главе рабочих групп). Остальные, пользуясь своей грамотностью, воспитанностью, вкусами и идеалами, вынесенными из своих шляхетских усадеб, создали основу слоя, выполняющего в Польше периода разделов страны культуuroобразующие и нароdoобразующие функции. Можно сказать, что формирование польской интеллигенции произошло в условиях не возникновения полной (по сравнению с Западом) общественной структуры, а было ответом на общественный спрос (культурный и национальный) и стало самозащитой части постшляхетской среды перед лицом общественной деградации. Конечно, не только выходцы из шляхетского сословия создавали интеллигенцию, но именно они сформировали её очень чёткую культурную форму и наделили главными ценностями. Индивидуумы, выходящие из остальных слоёв и классов общества, в меньшей или большей степени вообще ассимилировались со шляхетской культурной сердцевиной [5], [6, s. 161–176]. Так было, главным образом, до II мировой войны.

Очевидно, что национальное содержание, сформулированное интеллигенцией, должно было отличаться от того, которое создавалось шляхтой. Его определяли, главным образом, как отсутствие достаточного количества польских государственных структур, позиция интеллигенции в обществе, так и заимствование ею части сословных ценностей у своей предшественницы. Интеллигентская идея народа отличалась от шляхетской идеи народа, главным образом, тем, что она охватывала всё общество и ограничивала сферу польского народа, определяя его границы категориями языка и вероисповедования. Творцом современной национальной общности была не деревенская, а городская среда. Шляхта не могла быть создателем народа, включающего всё общество, так как она таким образом подорвала бы свою сословную позицию в государстве. Она не могла также – в силу того, что её этнически непольская часть составляла около 60% всего сословия – создавать национальную идеологию, основанную на культурных отличительных признаках (этноязыковых), так как это, по видимому, дезинтегрировало бы её и как культурно (этнически) дифференцированное сословие (несмотря на происходящие процессы его культурной унификации), и – вне всякого сомнения – как этнически разнородное общество, а следовательно, предположительно и государство. Более того, значительная часть крестьянства, входящего вместе со шляхетским помещьем в состав местных помещичьих общностей, была этнически непольская. Формирование в такой ситуации помещичьей шляхтой (землевладельцами) культурной (основанной на культуре польского этоса) национальной идеологии вносило бы дополнительный элемент конфликта в хозяйственные сообщества помещий. В иной ситуации находилась интеллигенция, в том числе и шляхетского происхождения. Провозглашаемые ею в анонимных городах культурные идеи (базирующиеся на католицизме и польском языке) объединяли вокруг неё сторонников, не угрожая в сущности её экономическим интересам и социальной позиции [7].

Интеллигентская идея народа была идеей надклассовой солидарности (и, конечно, внесословной). Наполняющее её культурное содержание сопровождалось прививаемым массам видением общества с руководящей ролью интеллигенции. Остальные сегменты структуры польского общества, размышляя о народе и национально активизируясь, с течением времени предпринимали такие же шаги, принимая в меньшей или большей степени интеллигентские образцы (в своих действиях постоянно руководствуясь классовыми отношениями).

¹Польский эквивалент западного «нового среднего класса» (т. е. людей умственного труда) в XIX сразу же эволюционировал в Польше в направлении интеллигентности. Противоположный процесс происходит в Польше после 1989 года.

По этому принципу сформировался инсуреционный механизм национальной мобилизации (необязательно понимаемый в категории военных действий, но возможности мобилизации общества с целью защиты национальных ценностей). Интеллигенция, деятельность которой была направлена на эмансипацию крестьянства, в противовес шляхте, не способной к такой деятельности, на этом выигрывала. Благодаря расширению национальной общности, которую интеллигенция возглавила, она не только сохранилась экономически, но как слой, наделённый высоким престижем, стала движущей силой общества.

Современная нация, в том числе нация интеллигенции, была общностью, вновь интегрирующей распадающееся сословно-феодалное общество. Несмотря на опасность проявления национализма, благодаря сохранению как своих ценностей, так и сопутствующей им сферы эмоций, она содействовала модернизации общества. В польском случае это сделало возможным его выживание. Интеллигенция как сословие, крепко спаянное ценностями и врожденным чувством достоинства, инициировала процессы эмансипации, главным образом, культурного характера (средний класс, став со временем доминирующим сегментом общественной структуры, способствовал экономической интеграции значительной части общества, часто создавая при этом гражданское сообщество). Она видела себя в роли культурного предводителя общества/народа. Мещанство, в основном, было лишено этого рода мессианизма. Интеллигентское «быть» со временем подчинялось мещанскому (а затем среднего класса) «иметь». Шляхту спланивало, по мнению А. Зайончковского [8], соседство, интеллигенцию, как считал Ю. Халасиньски, – салоны [5]. Выросший в значительной мере из мещанства средний класс, более индивидуалистский и «ассоциативный» и менее общинный по сравнению с ними, был больше ориентирован на материальный успех личности.

Миссионерство и идейность, такие характерные для интеллигенции, отчётливо присутствовали также в общественной жизни ПНР. Ведь коммунистическая власть основывалась не на деньгах и свободном рынке. Власть и привилегии, определяющие новую элиту, были частично наделены такими же чертами, аналогичными тем, которые характеризуют сегмент сословной системы (в Веберовском понимании сословия). Несмотря на то, что коммунистическая идеология носила – обращаясь к её источникам – отчётливый антинародный характер (можно сказать, что анациональный), механизм функционирования общества, основанный на «писании», а не материи, был, говоря тогдашним языком, «волюнтаристским» с элементами мессианизма, на этот раз рабочего. Это был механизм, в некотором смысле похожий на тот, который создавала интеллигенция, однако фундаментально отличающийся своим содержанием. Парадоксально, что, несмотря на формальный классовый характер господствующей идеологии, интеллигенция (хотя лучше было бы сказать – умственная прослойка) делала возможным сохранение (и даже общественное развитие) сильных национальных отношений независимо от модификации содержания национальной идеологии. Крах мира, придуманного за письменными столами интеллектуалистов, вызвал в новых рыночных реалиях отчётливое перемещение общественных отношений из сферы ценностей (это не значит, что только и даже главным образом на них сосредоточивалось ежедневное внимание индивидуумов) в сферу, где доминировала материя. Это стало одной из причин ослабления национальных связей.

В Польше шляхетско-интеллигентские элиты периода разделов страны, и даже ещё в межвоенный период, несмотря на огромную бедность масс, имели большое влияние на формирование культуры, народа и государства, что в ситуации их привилегированного сословного положения в обществе вызывало у них чувство долга, в том числе долга национального. Это состояние рухнуло вместе с бурным вхождением польского общества в реалии рыночной экономики и массовой культуры, т. е. в реалии классового общества. Основопологающими чертами элиты типичного классового общества, некогда называемого буржуазным (каковым польское общество не является), выступают не моральные ценности, но создающая классовую систему материя, а значит, доходы (чувство долга вытекает из силы законов и политической культуры, а не из чувства миссии). Это, конечно, не означает её обязательной денационализации. Различия между нею и интеллигенцией заключаются в том, что в случае последней конституирующие её элементы, т. е. национальные ценности, были вплетены в её

сословное положение. Благодаря этим ценностям, а значит, и удовлетворению потребности в создателе современной польской национальной общности, возникла интеллигенция, а благодаря одобрению их обществом, она сохранилась. Для Польши удар по ценностям и национальным основам был одновременно ударом по фундаменту интеллигенции как единого целого, отдельного и особого общественного слоя. Это проявилось во время II мировой войны. Интеллигенция, защищая национальные ценности, одновременно защищала себя как определённую составную часть общества. Отсюда и такое огромное преобладание представителей этого слоя в движении сопротивления. Элитам типичного классового общества это не присуще. Национальные ценности здесь не играют определяющей роли, хотя национальная солидарность облегчает им функционирование в обществе. Ценностями будут деньги и власть, независимые от национальных отношений, которые – чаще всего – свойственны всему обществу и которые нередко создавали и конституировали их в его современной форме. Иначе говоря, нация определяла и по-новому формулировала современное польское общество, состоящее из классов, создаваемых на основе величины и способов приобретения материи (доходов). Дополнительно, однако, она создавала и утверждала одну из её составных частей – интеллигенцию. Следовательно, в этом случае она выступала здесь как бы в двойной роли, что не имеет места в случае высшего класса (элиты) типичного капиталистического общества (а также среднего класса и остальных классовых сегментов общества). Этим также отличается от интеллигенции средний класс. Он, в общем, национален, но это не означает, что идея нации конституирует его как современное общество.

Если факт, что в течение двух очередных периодов развития польского общества шляхта и интеллигенция были творцами идеи нации (а впоследствии – и национальных общностей), не подлежит сомнению, то ситуация народа среднего класса немного другая. Прежде всего, следует выйти за пределы польских реалий, потому что в Польше – учитывая слабость капиталистической системы и её кратковременность до II мировой войны – по крайней мере, до конца существования ПНР доминировала интеллигентская версия нации (после II мировой войны было лишь модифицировано её содержание, ибо никакой сегмент коммунистической системы не создал её новой версии). На Западе, как уже было сказано выше, создателями современного национального общества были – в отдельных случаях в разных пропорциях – мещанство (средний класс), интеллектуалисты, буржуазия и государственная администрация. Современный средний класс, особенно новый, а следовательно, включающий «белые воротнички», национальную идеологию усваивал и модифицировал. Но он возник не благодаря идеологии, как это было в случае польской интеллигенции. Его конституировали признаки, свойственные классовой системе. Сегодня мы говорим о западных обществах как об обществах среднего класса (классов), так как прежде всего он является их доминирующим элементом в XX веке – символом современности. В ситуациях распада феодально-сословных структур – так же, как и в нашей части Европы – нация те общества интегрировала.

Поскольку, однако, не идея нации лежала в основе существования среднего класса, а говоря упрощённо – материя, он в состоянии, в отличие от интеллигенции, в ситуации угрозы своему существованию (а значит, и своей классовости) относиться к ней инструментально, жертвовать ею или экспонировать её во имя классового самосохранения. Если интеллигенция, трактуя идею нации инструментально, ради своей сплочённости и высокой позиции в обществе усиливала её значение, то средний класс, защищаясь в ситуации появления угрозы для своего классового существования, способен инструментализировать её экономически, т. е. подчинять своим классовым интересам. Немецкое мещанство (средний класс), ощутив угрозу своему существованию в результате кризиса первой половины 30-х годов XX века, высказалось – выбирая в демократических выборах Гитлера – за крайнюю форму национализма, ограничение свободной конкуренции (таможенные барьеры), веря, что отход от экономического либерализма и ценностей гражданского общества спасёт его экономическую позицию (и, следовательно, те элементы, которые учреждали и обосновывали его как класс). Каждая сильная общественная группа, защищая себя от распада, защищает главным образом те свои качества, которые её создали. Предвидя опасность для своего существования, мелкобуржуазная и рабочая Франция была готова голосовать – иногда достаточно массово – за

националистично-ксенофобского Ле Пэна, веря, что выполнение провозглашаемых им лозунгов защитит их экономическую позицию. Однако европейский и североамериканский средний класс выступает сегодня за сохранение и укрепление гражданского общества, а также за ослабление национальных идей, причем не столько из этических или эстетических соображений, сколько учитывая свой, хорошо осознаваемый классовый интерес. Это, конечно, означает, что продолжительный экономический кризис и угроза для собственного классового существования может вызвать сильную склонность к инструментализации внеклассовых ценностей, в том числе и национальных. Шляхта, и прежде всего интеллигенция, в ситуации появления угрозы для ее экономического быта, идею народа не инструментализировала и не отказывалась от сознания своего достоинства, потому что именно эти качества ее конституировали. Классовый мир, в отличие от сословного, создал новые механизмы функционирования идеи. Процесс эмансипации общественных масс, начатый в XIX столетии интеллигенцией, имел своей предпосылкой культурные цели, в случае среднего класса ориентация была в основном на материю. Следовательно, народ шляхты, народ интеллигенции, народ среднего класса – это совершенно разные народы как по своему содержанию, так и – что важно – по механизму своего функционирования.

Создателями национальной идеологии не были ни рабочий класс, ни крестьяне. Следовательно, не эти ценности обосновывали её создание. Маркс говорил, что у рабочих нет родины, ставя классовые ценности выше национальных. Благодаря выходу рабочих из огромной нищеты середины XIX века, появилась возможность считать их частью нации, причем классовые принципы конструкции этой общности сохранились. Крестьяне на польских землях (а также вне их) стали мыслить категориями родины тогда, когда получили вотчину. Этот процесс обрёл социально значимые масштабы лишь после их освобождения от крепостной зависимости. Во время второй мировой войны они защищали родину прежде всего тогда (не значит, что исключительно), когда им грозила потеря этой самой вотчины. Рабочие, классовое существование которых подвергалось меньшей опасности, в вооружённой борьбе с оккупантами участвовали пропорционально значительно реже, чем интеллигенция. Это не значит, конечно, что мы имеем дело с доминированием классовой идеи над национальной. История Европы последних более чем ста лет этого не подтверждает. Национальные отношения в состоянии доминировать над классовыми, особенно когда появляется опасность для существования всей общности, хотя степень напряжения связанных с нею моральных позиций на уровне их отдельных сегментов (а тем более лиц) различна.

Подытоживая: нам не кажется, что в случае шляхты национальные связи доминировали над сословными; они, скорее всего, были их дополнением, укрепляли это сословие, но не создавали его от основ. Большое значение, прежде всего, имели право шляхетских вольностей и герб как символы высокого общественного статуса. Этот тип народа сохранял в неизменном виде сословную систему (феодальную), антисолидаристскую в межсословных отношениях, заключая крестьян в пределах доиндустриальных этнических сообществ. Интеллигенция, несомненно, укрепляла национальные связи, придавая им культурный характер (этноязыковой), создавая видения – нередко более на уровне идеологических отношений, чем практики ежедневного поведения – надклассового солидаризма, распространяя категории национальных идеологических отношений, способствуя тем самым модернизации доиндустриальных структур. Решительной модернизации этих структур способствовал народ среднего класса (буржуазия и т. д.), интегрирующий постфеодальное общество в процессах, вызывающих экономическую эмансипацию его социальных масс, приведших к бурному росту рынков сбыта. Во Франции это связано с падением роли дворянства как конкурента третьего сословия в сфере экономики и власти. Процесс формирования больших сообществ (стремящихся как к культурной, так и языковой унификации), в этом случае национальных, содействующий появлению капитализма, характеризовался – после их возникновения – изменчивой интенсивностью связей, характеризующих этот тип общностей, в некоторой степени экономически обусловленной их инструментализацией (а также другими факторами, как и в остальных двух типах народа). В зависимости от конкретных обусловленностей (времени и места) в этом типе нации главное значение имеют политические (во времена процветания)

или культурные факторы (актуализирующиеся в кризисные периоды). Такое понимание народа доминирует в Западной Европе, хотя в большинстве случаев процесс его формирования еще не закончен, т. е. он редко выступает в «чистом» виде. И если польский народ после 1989 года очень медленно вбирает в себя гражданские ценности, то, например, британский – не говоря уже об испанском – имеет проблемы с культурно обусловленными (этнически, национально) сепаратизмами.

Литература

1. Weber, M. Klasy, stany, partie – podział władzy w obrębie wspólnoty, [w:] Elementy teorii socjologicznych. Materiały do dziejów współczesnej socjologii zachodniej / M. Weber // Red. W. Derczyński, A. Jasińska-Kania, J. Szacki. – Warszawa, 1975.
2. Tazbir, J. Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty / J. Tazbir. – Warszawa, 1978.
3. Walicki, A. Trzy patriotyzmy. Trzy tradycje polskiego patriotyzmu i ich znaczenie współczesne / A. Walicki. – Warszawa, 1991.
4. Czepulis-Rastenis, R. „Klasa umysłowa”: inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1862 / R. Czepulis-Rastenis. – Warszawa, 1973.
5. Chałasiński, J. Przeszłość i przyszłość inteligencji polskiej / J. Chałasiński. – Warszawa, 1958.
6. Radzik, R. Czy jest w Polsce inteligencja? / R. Radzik. – Przegląd Powszechny. – 1994. – Nr. 5.
7. Радзік, Р. Польскія эліты на тэрыторыі Беларусі ў XIX стагоддзі: ад шляхты да інтэлігенцыі / Р. Радзік // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Гомель, 30 верасня – 1 кастрычніка 2010 г. – Гомель : УА “ГДУ ім. Ф. Скарыны”, 2010.
8. Zajączkowski, A. Szlachta polska. Kultura i struktura / A. Zajączkowski. – Warszawa, 1993.

Університет Марии Кюри-Склодовской,
г. Люблин, Польша

Поступило 04.12.12